

ДИЛАН ХАРБИ

НИКАКИХ СКИДОК

— ДЛ Я МИСТЕРА —

ХЕЙЗА

Дилан Харби

**Никаких скидок
для мистера Хейза**

«Автор»

2026

Харби Д.

Никаких скидок для мистера Хейза / Д. Харби — «Автор», 2026

Пятнадцать лет Тед Хейз провёл в тюрьме за убийство жены, которого не совершал. Там он не искал справедливости — он учился ждать, считать и запоминать фамилии. Выйдя на свободу, бывший бухгалтер не берёт в руки оружие. У него есть старые кассеты, папка с документами, тёмно-синий кабриолет и один простой принцип: любой долг однажды приходится платить. С процентами. След ведёт из стамбульского рынка к испанской вилле влиятельного политика — человека, который когда-то решил, что может купить правду. Теду нужны свидетельница, которая солгала на суде, и суровый наёмник, мечтающий о быстрой мести. Но сам Тед предпочитает другое оружие: слова, страх и безупречно выбранный момент. Потому что месть — не удар. Это счёт, который предъявляют так, чтобы должник сам попросил выставить сумму.

© Харби Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА	6
Глава 1. Пятнадцатый год	6
Глава 2. Свободный человек	10
Глава 3. Судья и погода	14
Глава 4. Эксперт	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Никаких скидок для мистера Хейза

Глава

**ДИЛАН
НИКАКИХ СКИДОК**

ДЛЯ МИСТЕРА ХЕЙЗА
нуар-триллер с чёрным юмором
Роман

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА

Глава 1. Пятнадцатый год

Глава 2. Свободный человек

Глава 3. Судья и погода

Глава 4. Эксперт

Глава 5. Рынок свидетелей

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТУРЕЦКИЙ МАРШ

Глава 6. Отель с двумя выходами

Глава 7. Человек, сломавший дверь

Глава 8. Билет на юг

Глава 9. Чизетта

Глава 10. Последнее показание Матео

Глава 11. Ужин перед морем

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСПАНСКИЙ ПРОЦЕНТ

Глава 12. Человек, который владел будущим

Глава 13. План без героев

Глава 14. Картина

Глава 15. Публичный человек

Глава 16. Остаток

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ДОЛЖНИК

Глава 17. Чарльз Блэквуд принимает посетителя

Глава 18. Комиссия

ЭПИЛОГ. НОВАЯ СТРОКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА

Глава 1. Пятнадцатый год

В тюрьме «Греймарш» книги выдавали по четвергам, простыни — по понедельникам, а надежду не выдавали вообще. Её полагалось приносить с собой и экономить.

Теодор Хейз научился обходиться без неё.

На пятнадцатом году заключения он сидел у окна библиотечного подсобного помещения и составлял таблицу. Тюремный костюм висел на нём так, словно был шит для человека другого роста и другой степени покорности. Тед был высоким, худым, почти болезненно прямым. Бледная кожа за годы приобрела сероватый оттенок бумаги, которую слишком долго держали в архиве. Ранние морщины расщелили лоб и сходились у глаз — не от смеха, хотя Тед улыбался часто.

Его улыбка никогда не просила дружбы. Она сообщала, что собеседник уже сказал больше, чем собирался.

В левом столбце таблицы стояли имена. В среднем — поступки. В правом — то, что каждый человек считал для себя незаменимым.

Напротив судьи Майкла Рида было записано: «Репутация».

Напротив адвоката Чарльза Блэквуда: «Лицензия. Деньги. Сын».

Напротив Софии Маркес: «Страх».

Напротив Антонио Варгаса: «Всё».

Заключённый по прозвищу Пастор остановился у стола. Когда-то он действительно проповедовал — по воскресеньям, между двумя ограблениями банков. Теперь проповеди остались, а банки закончились.

— Опять считаешь?

— Я бухгалтер.

— Ты уже пятнадцать лет не бухгалтер.

Тед поднял глаза поверх тонкой оправы.

— А ты двенадцать лет не грабитель банков. Но когда надзиратель оставляет ключи на столе, у тебя меняется дыхание.

Пастор хмыкнул и посмотрел на лист.

— Список людей, которых убьёшь?

— Нет. Убийство — отвратительный способ взыскания. После него должник перестаёт платить.

— Тогда что ты с ними сделаешь?

Тед закрыл папку.

— Предложу удобный график.

Пастор опёрся о стол. Его пальцы были испачканы типографской краской: он переплетал старые книги и тайком печатал поздравительные открытки для заключённых, которые забыли дни рождения собственных детей.

— Ты правда думаешь, что снаружи тебя ждут? — спросил он.

— Меня ждут люди, которые надеются, что я ничего не помню. Это почти любовь.

— За воротами ты останешься один.

— Один — это когда некому помочь. Мне пятнадцать лет помогали сотни людей.

Тед кивнул на полки. Между юридическими справочниками стояли книги по банковскому делу, психологии допроса, международным переводам и реставрации документов. За пятнадцать лет он писал апелляции тем, кто не умел писать, рассчитывал проценты по алимен-

там, находил ошибки в счетах адвокатов, составлял письма детям и учил двух надзирателей не разоряться на кредитных картах. Взамен он получал сведения, книги, адреса и услуги, срок исполнения которых ещё не наступил.

Пастор протянул ему маленькую записную книжку.

— Телефон моего племянника. Он работает на телевидении.

— Водителем?

— Осветителем.

— Ещё полезнее. Людей губит не тьма, а правильно направленный свет.

— Это подарок.

— Подарков не бывает.

— Тогда вернёшь, когда понадобится.

Тед записал номер в папку.

— Вот теперь это обязательство. Спасибо.

За час до закрытия библиотеки пришёл надзиратель Бойд. Он принёс коробку старых налоговых деклараций и поставил перед Тедом, стараясь не смотреть Пастору в глаза.

— У сестры магазин, — сказал Бойд. — Ей прислали требование на сорок тысяч. Ты говорил, что посмотришь.

Тед открыл верхний лист.

— Говорил. Но завтра я освобождаюсь.

— Поэтому и принёс сегодня.

— Срочность — способ заставить человека заплатить за чужое опоздание.

— Сколько?

— Нисколько. Ты три года позволял мне получать журналы без вырванных страниц. Мы в расчёте.

Бойд облегчённо выдохнул. Тед нашёл ошибку за девять минут: налоговая начислила штраф уже закрытой компании. Он отметил нужные строки и продиктовал заявление. Надзиратель ушёл, прижав листы к груди.

Пастор покачал головой.

— Ты мог потребовать от него что угодно.

— Я потребовал то, что он должен.

— И после этого пойдёшь разрушать людей из списка.

— Если человек возвращает долг добровольно, разрушать нечего.

— А если не возвращает?

Тед провёл пальцем по закрытой папке.

— Тогда приходится изымать залог.

Он говорил негромко и всегда улыбался. В первые годы улыбка раздражала надзирателей. Потом начала их тревожить. К пятнадцатому году никто уже не спрашивал, что именно его веселит.

Вечером Теда вызвали в административный корпус. Начальник тюрьмы Гаррет сидел за широким столом, похожим на крышку дорогого гроба. На столе лежали пакет документов, дешёвый галстук и прозрачный пакет с вещами, изъятыми при аресте.

— Ваше освобождение назначено на девять утра, — сказал Гаррет. — Пресса будет у ворот.

— Как предусмотрительно. Обычно свидетелей собирают до преступления.

— Они хотят услышать, как вы простили систему.

— Я никого не прощал.

— Тогда скажите, что хотите начать новую жизнь.

Тед посмотрел на календарь. Завтрашнее число было обведено красным кружком.

— Моя новая жизнь началась пятнадцать лет назад. Завтра я просто сменю адрес.

Гаррет потёр переносицу.

— Мистер Хейз, снаружи всё изменилось. Телефоны, банки, камеры на каждом углу. Люди живут иначе.

— Они по-прежнему боятся потерять деньги?

— Разумеется.

— Значит, ничего важного.

Начальник подтолкнул пакет.

— Здесь часы, бумажник, обручальное кольцо и сорок три доллара. Распишитесь.

Тед прочёл опись дважды.

— В день ареста у меня было сорок восемь.

— Вы серьёзно?

— Совершенно. Пять долларов за пятнадцать лет — это плохой процент, но хороший повод проверить бухгалтерию.

Гаррет открыл ящик, достал купюру и положил на стол.

— Вы не изменились.

— Я изменился. Раньше потребовал бы пеню.

В камере Тед достал из тайника старую фотографию. Он и Эвелин стояли на платформе вокзала. Она смеялась, закинув голову. На ней был жёлтый плащ, который Тед терпеть не мог: Эвелин купила его без скидки и называла это актом независимости. Тед на снимке был моложе, шире в плечах и ещё не знал, как долго может длиться одна секунда в зале суда.

На обороте рукой Эвелин было написано: «Если опоздаешь — поеду без тебя».

Он помнил их последний разговор слишком хорошо. Эвелин стояла у кухонного окна и говорила, что не всё в мире обязано сходиться. Тед отвечал, что если цифры не сходятся, кто-то лжёт. Через два дня её нашли мёртвой. Через четыре его арестовали. Через семь месяцев двенадцать присяжных решили, что любовь, страх и кровь складываются в убийство.

В памяти зал суда сохранился не как помещение, а как набор деталей. Скрип пера секретаря. Пятно на галстуке прокурора. Голубые глаза Блэквуда и его левая бровь, поднимавшаяся всякий раз, когда защита теряла ещё одну возможность.

София сидела на месте свидетеля, маленькая и испуганная. Она рассказала, что слышала ссору Теда и Эвелин, что Тед угрожал жене и говорил: «Если уйдёшь, пожалеешь». Фраза была настоящей. Он произнёс её во время разговора о Варгасе, пытаясь убедить Эвелин отказаться от расследования. Прокурор отрезал всё, кроме угрозы. Блэквуд не возразил.

— Спросите, что она ответила, — прошептал Тед.

— Не сейчас, — сказал адвокат.

— Спросите.

— Доверьтесь мне.

София опустила глаза. Прокурор улыбнулся присяжным. На этом месте Тед впервые понял, что процесс уже закончен, хотя впереди оставалось три недели.

Перед приговором судья предложил ему последнее слово.

Тед поднялся и посмотрел на людей, которые старались не встречаться с ним глазами.

— Моя жена мертва, — сказал он. — А вы обсуждаете, достаточно ли я правильно её любил, чтобы иметь право не убивать. Если это правосудие, попросите бухгалтера проверить название.

Ему дали пожизненный срок с возможностью пересмотра через пятнадцать лет. Блэквуд положил руку на плечо и сказал, что подаст апелляцию.

— Через сколько я выйду? — спросил Тед.

— Максимум через три года.

Тогда Тед ещё не знал, что обещание тоже может быть орудием преступления: оно заставляет человека ждать вместо того, чтобы искать другой выход.

— Я опоздал, — сказал Тед фотографии. — Но поезд ещё не ушёл.

Он лёг поверх покрывала, сложив руки на груди. За стеной кто-то ругался, дальше по коридору хохотали, в трубах кашляла вода. Из соседней камеры Пастор негромко спросил:

— Ты спишь, бухгалтер?

— Репетирую.

— Что?

— Свободу.

Тед не спал. Он повторял план.

Не потому, что мог забыть.

Потому что хороший план должен звучать в голове как музыка: без единой фальшивой ноты. А хороший исполнитель обязан знать, где музыка кончается и начинается шум.

Глава 2. Свободный человек

У ворот «Греймарша» стояло семнадцать журналистов, два телевизионных фургона и один человек, которому следовало находиться совсем в другом месте.

Чарльз Блэквуд постарел красиво. Серебряные волосы, тёмное пальто, шарф цвета выдержанного вина. Лицо стало тоньше, но голубые глаза сохранили холодную ясность дорогого стекла. Левая бровь лежала чуть выше правой. Пятнадцать лет назад она поднималась всякий раз, когда Чарльз волновался и хотел казаться спокойным.

Сейчас она поднялась на несколько миллиметров.

Тед вышел в тёмно-синем костюме. Костюм прислал портной, которому он когда-то помог избежать банкротства. На высоком худом теле ткань сидела безупречно, хотя воротник подчёркивал тюремную бледность. В правой руке Тед держал бумажный пакет со всем имуществом, которое государство согласилось вернуть.

Он остановился. Холодный воздух показался слишком большим. За стенами «Греймарша» воздух выдавали порциями — двор, окно, приоткрытая дверь. Здесь его было столько, что человек мог растеряться.

Тед не растерялся. Он улыбнулся камерам.

— Мистер Хейз! — крикнула репортёрша. — Вы чувствуете себя жертвой правосудия?

— Жертвой? Нет, милая моя. Жертвы — это те, кто мне должен. А я — инкассатор. Просто работаю с живыми должниками.

Камеры ожили. Кто-то спросил, намерен ли он требовать компенсацию. Другой журналист хотел знать, простил ли Тед присяжных. Третий интересовался, не боится ли он снова попасть в тюрьму.

— Компенсацию потребуют мои адвокаты, — ответил Тед. — Присяжные получили ложь и распорядились ею как честные люди. А в тюрьме я уже был. Повторные мероприятия редко производят прежнее впечатление.

Блэквуд шагнул к нему с раскрытыми руками.

— Тед. Рад видеть тебя свободным.

— Чарльз. А я рад видеть тебя богатым. Бедность осложнила бы расчёты.

Адвокат обнял его, стараясь сделать это по-отечески и быстро. От него пахло кедровым одеколоном и салоном автомобиля, за который никогда не платят наличными.

— Я добился пересмотра дела, — сказал Блэквуд достаточно громко для микрофонов.

— После того как настоящий эксперт признался перед смертью.

— Я всё равно помог.

— Ты помнишь, что обещал моей жене? Ты сказал, что я выйду через три года. Ты ошибся на двенадцать лет. С тебя — двенадцать лет твоей жизни.

Блэквуд рассмеялся для камер. Бровь поднялась ещё выше.

— Всё та же мрачная шутка.

— Нет. Шутки короче.

Тед пожал ему руку и задержал ладонь. Он почувствовал, как адвокат попытался первым разорвать рукопожатие.

— Проценты, дорогой. Всегда помни про проценты.

Он отпустил Блэквуда и сел в ожидавшее такси. Машина тронулась, журналисты побежали следом, пока их не остановил шлагбаум.

На заднем сиденье лежал конверт без обратного адреса.

— Это ваше? — спросил водитель.

— Теперь да.

Внутри были ключ от банковской ячейки, билет до Нью-Йорка и фотография мёртвого человека. На фотографии тот лежал в дешёвой гостинице, положив руку на старый кассетный магнитофон.

С обратной стороны значилось: «Копии не там, где ты думаешь. Начни с судьи. — М.»

Матео Рохас. Старый знакомый Тед — когда-то клиент, позднее человек чужих поручений. Согласно официальной версии, именно Матео убил Эвелин. Согласно той же версии, он погиб две недели назад в Стамбуле от сердечного приступа.

Тед смотрел на фотографию до тех пор, пока водитель не кашлянул.

— Куда едем?

— В банк.

— Какой?

— Тот, который скоро пожалеет, что открылся сегодня утром.

По дороге Тед наблюдал город. Люди шли, глядя в телефоны. Реклама обещала им молодость, безопасность и кредит без последствий. Пятнадцать лет назад обманывали теми же словами, только печатали их крупнее.

В витрине закусочной он увидел своё лицо на экране телевизора. Бегущая строка называла его «человеком, у которого государство украло пятнадцать лет». Тед попросил водителя остановить машину и впервые после освобождения вошёл куда-то без разрешения.

Девушка за стойкой спросила, чего он хочет. Вопрос оказался неожиданно трудным. В тюрьме можно было выбрать только между тем, что дали, и голодом.

— Кофе, — сказал Тед.

— Какой?

Она перечислила восемь вариантов. Тед выслушал до конца.

— Чёрный.

— Американо?

— Если это не политическое заявление.

Он расплатился одной из возвращённых купюр и сел у окна. Кофе был слишком горячим, улица — слишком шумной, стул — слишком лёгким. За соседним столиком мужчина оставил телефон без присмотра и пошёл за сахаром. Тед поймал себя на том, что ждёт команды подняться.

Команды не последовало.

Он сделал глоток и записал на салфетке: «Свобода: множество вариантов, ни одного оправдания».

У банка Тед заплатил водителю и попросил квитанцию.

— Вы только что вышли из тюрьмы и уже собираете чеки?

— Свобода не освобождает от отчётности.

Ячейка была оформлена на имя компании, закрытой десять лет назад. Служащий дважды проверил доверенность и позвал начальника. Начальник позвонил юристу. Юрист попросил подождать.

Тед сел в кресло и открыл газету.

— Документ вызывает вопросы, — сообщил начальник спустя девять минут.

— Вопросы полезны. Особенно если задать их человеку, который его заверил.

— Нотариус умер.

— Тогда он вряд ли изменит показания.

Тед протянул решение суда, подтверждение правопреемства и письмо банковского регулятора. Каждая бумага была подлинной. Ни одна по отдельности не давала ему права открыть ячейку. Вместе они создавали достаточно неприятностей, чтобы банк предпочёл не выяснять истину.

Через двадцать минут замок щёлкнул.

Внутри находились три видеокассеты, флеш-накопитель, нотариально заверенное письмо и дешёвые карманные часы. Тед нажал на крышку. Часы не шли. На внутренней стороне была выгравирована дата смерти Эвелин.

Тед перестал улыбаться.

Это продолжалось две секунды.

Потом он открыл письмо.

«Хейз, если ты это читаешь, я уже не могу соврать тебе лично. Варгас заказал убийство. Блэквуд выбрал тебя. Рид закрыл глаза. София произнесла слова, которые ей дали. Я сделал остальное.

Ты хочешь мести. Я хочу, чтобы меня наконец похоронили без чужого имени.

На первой кассете — судья. На второй — София. На третьей — человек, которого боится Варгас.

Не доверяй последовательности. Я знал, что письма прочтут раньше тебя.

Мёртвые не лгут. Мы просто больше не можем исправить показания».

Тед перечитал письмо, убрал в карман и посмотрел на часы.

За матовым стеклом двери прошла мужская фигура. Потом ещё раз. Серое пальто, газета под мышкой, слишком медленный шаг. Этот человек был у ворот тюрьмы, только стоял за телевизионным фургоном.

Тед попросил служащего принести упаковочный конверт и три бланка международного перевода. Кассеты он разложил по разным пакетам, на каждом написал адрес. Одну отправил адвокату, который когда-то проиграл дело Риду. Вторую — редакции. Третью оставил себе. Флешку положил в карман, письмо — во внутренний шов пиджака.

Когда он вышел, человек в сером пальто двинулся следом.

Тед остановился перед стеклянной витриной и поправил галстук.

— Вы слишком близко, — сказал он отражению.

Мужчина замер.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаете. Если хотите узнать, что было в ячейке, позвоните Чарльзу Блэквуду. Он оплатит информацию. Если хотите забрать — опоздали. Если хотите меня убить — дождитесь, пока я перейду улицу. Здесь плохая камера, вас снимет только одна.

Мужчина посмотрел на чёрный купол под козырьком и невольно повернул лицо.

Тед улыбнулся.

— Спасибо. Теперь вас сняли обе.

Он сел в первое попавшееся такси.

Вместо вокзала Тед назвал адрес дешёвой гостиницы возле автобусного терминала. Номер оплатил наличными и зарегистрировался как Генри Коул — имя человека, умершего в «Греймарше» восемь лет назад и оставившего Теду свидетельство о рождении в обмен на письмо дочери.

В комнате стояли кровать, телевизор и видеомэгнитофон, который администратор принёс из кладовки за двадцать долларов. Тед вставил первую кассету.

Матео сидел перед камерой в серой комнате.

«Хейз, если ты смотришь это в день освобождения, значит, по-прежнему не доверяешь последовательности. Хорошо. Судья Рид даст интервью в прямом эфире через два дня. На записи после этого сообщения — его разговор с Блэквудом. Рид думает, что получил деньги ради дочери. На самом деле платёж нужен был Чарльзу, чтобы держать судью на поводке».

Матео показал копию банковской выписки и назвал студию.

«Не пытайся попасть туда как гость. Ты всё ещё слишком известен. Пастор должен тебе услугу, а его племянник работает со светом. Я узнал это от человека, которому ты помог соста-

вить апелляцию. Забавно: пятнадцать лет ты думал, что строишь план один. На самом деле строил сеть. Люди — это документы, которые иногда отвечают».

Тед остановил запись. Последняя фраза ему не понравилась: слишком напоминала собственный голос.

В коридоре скрипнула доска. Тень остановилась под дверью. Мужчина из банка нашёл гостиницу быстрее, чем ожидалось.

Тед включил душ, положил кассету в пакет со льдом и опустил за окно на пожарную лестницу. Затем открыл дверь.

Коридор был пуст. На ковре лежала визитная карточка Блэквуда. На обороте: «Позвони, пока не стало хуже».

Тед набрал номер с гостиничного телефона.

— Чарльз, — сказал он, когда адвокат ответил. — Ты прислал визитку без счёта. Боюсь, бухгалтерия не примет.

— Тед, люди Варгаса ищут тебя. Я могу защитить.

— Пятнадцать лет назад защита обошлась дорого.

— Ты не понимаешь, с чем связался.

— Я только что посмотрел запись, где ты объясняешь судье цену его дочери. Теперь понимаю лучше.

На другом конце наступила короткая тишина.

— Где эта запись?

— В безопасном месте.

Лёд в пакете за окном медленно таял.

— Ты блефуешь.

— Разумеется. Вопрос только в том, какой частью.

Тед повесил трубку, забрал кассету и покинул гостиницу через пожарную лестницу. У входа человек в сером пальто продолжал ждать гостя, которого больше не существовало.

— Ладно, Матео, — сказал Тед, когда банк исчез за поворотом. — Посмотрим, кто из нас лучше считает.

Глава 3. Судья и погода

Бывший судья Майкл Рид жил в Коннектикуте, играл в гольф и каждое воскресенье рассказывал по телевидению о кризисе доверия к правосудию. Погода служила ему нравственным доказательством: когда светило солнце, Америка оставалась великой; когда шёл дождь, виноваты были политики.

В день появления Теда лил дождь.

Прямой эфир снимали в студии с панорамным окном и искусственным камином. Попасть туда без приглашения было невозможно. Поэтому Тед не пытался.

Он приехал с фургоном службы доставки, которая привозила костюмы ведущей. Водитель был племянником Пастора. Осветитель на боковом входе получил старое письмо, которое Тед составил для его брата в «Греймарше». Гардеробщица увидела доверенность на возврат ошибочно доставленного пиджака. Через шесть минут высокий мужчина в очках оказался за сценой, не произнеся ни одной лжи. Он лишь позволил каждому выбрать удобное объяснение.

Охранник у аппаратной посмотрел на временный пропуск.

— Вас нет в списке.

— Есть. На обороте.

Охранник перевернул карточку. Там лежала сложенная стодолларовая купюра.

— Это взятка?

— Нет. Взятка меняет решение. Это плата за внимательность.

— А если я вызову начальника?

— Он заберёт деньги и скажет, что всё сделал сам. Вы выглядите человеком, который предпочитает прямой расчёт.

Охранник спрятал купюру.

Через минуту Тед сидел в кресле для следующего гостя. Рид закончил рассуждать о нравственности, увидел его и побледнел. Волнение судьи проявлялось не в руках и не в голосе. Он начинал медленно облизывать нижнюю губу — привычка, которую Тед пятнадцать лет назад не заметил.

Теперь заметил.

— Перед нами человек, чья карьера стала символом честности, — объявила ведущая. — Судья Рид, существует ли поступок, который вы никогда не смогли бы себе простить?

— Разумеется, — сказал Тед из-за камеры. — Осуждение невиновного, например.

Ведущая обернулась. Режиссёр за стеклом вскочил, но эфир продолжался: непредвиденное телевидение любит сильнее правды.

Рид выдавил:

— Кто впустил этого человека?

— Майкл, мы пятнадцать лет не виделись, а ты начинаешь с упрёка.

Тед подошёл и положил на стол папку.

— Здесь платёж из фонда Варгаса на счёт вашей дочери за три дня до вынесения приговора. Здесь запись разговора с Блэквудом. А здесь два варианта завтрашнего дня.

— Выключите камеры!

Режиссёр показывал, что камеры уже выключены. Красная лампа продолжала гореть. Тед заранее оплатил племяннику Пастора один поступок, а осветитель оказался человеком, который различал выключатель и просьбу.

Тед улыбнулся в объектив.

— Первый вариант: вы сейчас рассказываете правду. Теряете репутацию, но сохраняете остатки достоинства. Второй: называете меня сумасшедшим. Тогда запись появляется в сети, а вы теряете ещё и право выбрать выражение лица.

— Это шантаж.

— Нет. Шантаж предлагает молчание за деньги. Я денег не беру. Профессиональная этика.

— Запись получена незаконно.

— Возможно. А банковский перевод — совершенно законно. Вашей дочери действительно заплатили за консультации, которых она не проводила. Вы оформляли налоги лично. Я всегда восхищался отцами, участвующими в жизни детей.

Рид посмотрел на папку, потом на красную лампу камеры.

— Вы разрушите жизнь моей дочери.

— Вы использовали мою жену как ступеньку к её благополучию. Я всего лишь включил свет на лестнице.

— Она ничего не знала.

— Тогда скажите это. Отделите её поступки от своих. У вас впервые появилась возможность судить честно.

В студии стало тихо. Ведущая медленно сняла наушник, чтобы продюсер не мог заставить её прервать разговор.

Рид начал говорить. Сначала юридическими формулами, словно каждое слово могло стать спасательным кругом. Потом предложения стали короче. Он признал, что Блэквуд познанил его с представителем Варгаса, что получил указание не допускать независимую экспертизу и что считал Теда удобным обвиняемым: вдовец, долги, свидетели ссоры.

Через семь минут он назвал сумму. Через десять — фамилию эксперта. На двенадцатой минуте заплакал.

— Я убеждал себя, что вы всё равно виновны, — сказал он.

— Люди часто сначала получают деньги, а потом находят убеждение на ту же сумму.

— Что вы теперь со мной сделаете?

— Я? Ничего. В этом и состоит преимущество прямого эфира.

Когда ведущая объявила рекламу, Рид наклонился к нему. Красная лампа погасла, но десятки телефонов в студии продолжали снимать.

— У меня есть деньги, — прошептал бывший судья. — Я могу оплатить вам лучших юристов. Компенсацию. Новый дом.

— Ты уже пытался решить мою жизнь деньгами.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы завтра, когда адвокат посоветует отказаться от показаний, ты вспомнил эту минуту и пришёл сам.

— Блэквуд меня уничтожит.

— Нет. Чарльз объяснит, что спасает тебя, и предложит уничтожить кого-нибудь другого. Так он работает. Впервые прочти мелкий шрифт.

Рид посмотрел на дочь, имя которой только что прозвучало в эфире.

— Вы не передадите её документы?

— Если она не знала о переводе, её долг равен нулю. Я не беру плату с чужого счёта.

Рид впервые посмотрел на него не как на угрозу.

— Почему я не увидел вас таким в суде?

— Потому что тогда вы смотрели на чек.

Когда Тед вышел из студии, дождь стал сильнее. Под козырьком его ждал молодой федеральный агент. Он держал удостоверение так, словно оно могло заменить опыт.

— Мистер Хейз, вам придётся проехать с нами.

— С удовольствием. У вас есть кофе?

— Нет.

— Тогда удовольствие отменяется.

Агент преградил дорогу.

Тед протянул ему копию судебного предписания.

— Ваш начальник получил полный пакет два часа назад. Если вы задержите меня, к вечеру станете известны как человек, арестовавший оправданного свидетеля вместо коррумпированного судьи. Карьера — хрупкая вещь. Не ставьте на неё горячую чашку.

Агент прочёл документ. Его напарница, стоявшая у машины, посмотрела на экран телефона и коротко кивнула.

— Вы планировали это до освобождения? — спросил агент.

— Я планировал это до вашего назначения.

— Вы не имеете права покидать страну без уведомления.

— Уведомление лежит у вашего начальника под полным пакетом.

Телефон Теда зазвонил.

— Мистер Хейз? — произнёс незнакомый мужской голос с немецким акцентом. — Вам советуют остановиться.

— Кто?

— Человек, который платит мне за советы.

— Передайте ему, что бесплатные советы я игнорирую, а платные предпочитаю давать сам.

— Вы не понимаете опасности.

— Напротив. Я пятнадцать лет только её и понимал.

— Следующий разговор будет короче.

— Значит, это всё-таки была шутка.

Связь оборвалась.

Тед посмотрел на номер. Европейский. Голос принадлежал человеку, привыкшему приказывать, но не наслаждавшемуся этим. Наёмник, а не садист. Важное различие.

Он достал из кармана билет до Стамбула.

Дождь бил по крыше студии. Рид внутри продолжал давать показания. Погода, как выяснилось, ни в чём не была виновата.

Глава 4. Эксперт

Доктор Леонард Кросс когда-то возглавлял городскую лабораторию. Теперь он преподавал судебную медицину и любил повторять студентам, что мёртвое тело — самый честный свидетель.

Тед пришёл на его лекцию с пятнадцатилетней фотографией Эвелин и сел на последний ряд. Аудитория пахла дезинфицирующим раствором, влажными пальто и молодой уверенностью в том, что любая ошибка совершается кем-то старше.

На демонстрационном столе лежал учебный манекен. Кросс говорил о температуре тела и времени смерти, не заглядывая в записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.